

ШТЕРН РОМАН ИГОРЕВИЧ

СЕМЬ СОТОК ТИШИНЫ

Первое дело Аркадия Лунёва
из цикла «Тайны „Речных Ключей“»

*Иногда самый тихий участок
хранит самые опасные секреты.*

Роман Штерн

Семь соток тишины

«Автор»

2026

Штерн Р. И.

Семь соток тишины / Р. И. Штерн — «Автор», 2026

Отставной железнодорожный диспетчер Аркадий Лунёв приезжает в СНТ «Речные Ключи», чтобы продать дачу, хранящую слишком много памяти о жене. Но накануне спора о судьбе яблоневого сада председателя товарищества находят мёртвым в запертой изнутри теплице. Исчезает красная папка с земельными материалами и подрядными счетами, а соседи путают расписание автобуса с реальным временем. Вместе со следователем Ириной Беловой Аркадий восстанавливает цепочку событий — минуту за минутой, не позволяя догадкам стать фактами.

© Штерн Р. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Опись к продаже	6
Глава 2. Рейс на бумаге	12
Глава 3. Теплица, запертая изнутри	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роман Штерн

Семь соток тишины

От автора

Дорогой читатель, каждая книга начинается задолго до первой главы — в тот момент, когда её открывают. Спасибо Вам за этот шаг навстречу. Для меня большая честь знать, что именно Вы позволите этой истории войти в Ваш день, в Ваши мысли, в Ваше внутреннее пространство. Я искренне дорожу этим доверием.

Глава 1. Опись к продаже

— Отойди ещё на два шага, — сказал Аркадий. — Иначе пристройка обрежется.

Михаил опустил телефон и оглянулся. До сугроба оставалось меньше шага.

— Тогда в кадр войдёт соседский туалет.

— Он к объекту продажи не относится.

— Оценщик может заинтересоваться перспективой.

Аркадий промолчал. Внук сместился вправо и снова поднял телефон. На экране синий щитовой дом выглядел меньше, чем в жизни, а поздняя кирпичная пристройка — основательнее. Снег прикрыл покосившуюся нижнюю доску крыльца, зато выделил ржавый край водосточного желоба.

— Теперь с угла теплицы. Там второе окно видно.

— Уже снял.

Михаил показал фотографию. В кадр уместились дом, две яблони и расчищенная утром дорожка. Горизонт не заваливался, участок не выглядел ни лучше, ни хуже, чем был.

— Годится, — признал Аркадий.

— Сохраню эту похвалу отдельным файлом.

Он прятал покрасневшие пальцы в рукава толстовки. Совет надеть перчатки неизбежно превратился бы в доказательство того, что Михаил уже не маленький, поэтому Аркадий ограничился делом:

— Сарай. Потом теплица.

Еленина теплица стояла за домом вдоль забора. Поликарбонат держал тяжёлый подтаявший снег, дверца была прихвачена проволокой. Осенью Аркадий собирался заменить нижнюю петлю, но перед продажей решил не тратить силы. Покупателю требовалось понимать, что он приобретает: участок №47 площадью семь целых две десятых сотки, дом, сарай, теплицу, две старые яблони и объём работы, который в объявлениях называли возможностью воплотить собственные идеи.

— Внутри тоже снимать? — спросил Михаил.

— Не надо. Дверь снегом прижало.

Это было правдой. Не всей, но достаточной для января.

Оценщика пригласила Марина. Неделью назад она позвонила и начала с привычного: «Давай сначала решим практическую часть». Практическая часть включала фотографии, перечень мебели, оценку и подготовку участка к показу.

Аркадий согласился, потому что сам собирался сделать почти то же самое. О том, что потенциальный покупатель уже найден, а проект соглашения лежит во внутреннем кармане городской папки, он дочери не сказал.

Соседям тем более.

В «Речных Ключах» продажа участка быстро переставала быть личным делом. Следовало немедленно выяснить, кто приедет, сколько машин поставит у ворот, будет ли жить зимой и почему прежний хозяин не предложил участок «своим». Аркадий не хотел обсуждать намерение до того, как оно превратится в действие.

— Писать: «теплица, состояние удовлетворительное»? — спросил Михаил.

— Пиши: «требуется ремонт».

— Мама сказала не занижать.

— Ремонт от этого не исчезнет.

В сарае пахло промёрзшим деревом, железом и сухой землёй. Аркадий продиктовал: складной верстак, металлический стеллаж, бочка на двести литров, садовый инвентарь по перечню. Михаил снял общий вид и навёл телефон на старые тетради на верхней полке.

— Эти остаются?

— Нет.

— В город заберёшь?

Аркадий посмотрел на серые клетчатые корешки. В одной тетради было записано, как они с Еленой меняли крышу: доставка досок, приезд мастера, дождь, перенос работ. В другой — кто и когда брал насос.

— Разберу.

Михаил поставил в описи вопросительный знак.

В доме протопилось до пятнадцати градусов. Эмалированный чайник гудел на электрической плитке, окна запотели по краям. Аркадий открыл кухонный шкаф.

— Чашки шесть, — сообщил Михаил. — Тарелки?

Аркадий машинально поставил на стол две глубокие: белую с синей каймой и с зелёными листьями. Елена всегда брала вторую, потому что не любила одинаковую посуду.

Он вернул тарелку с листьями в шкаф.

— Глубоких восемь. Две со сколами выбросить.

Михаил ничего не спросил. Посчитал приборы и записал:

— Ножей девять. Режут два.

— Режущие свойства оценщику не нужны.

— Покупателю могут пригодиться.

— Пиши: «кухонные принадлежности без оценки».

Аркадий достал хлеб, контейнер с котлетами и огурцы. Телефон Михаила коротко звякнул.

— Мама спрашивает, сфотографировали ли счётчик.

— Сфотографируй.

— И просит не снимать пломбу.

Аркадий посмотрел на него.

— Передам, что ты возмущён постановкой вопроса. Что написать дословно?

— Пломбы без электрика не снимают.

Михаил набрал сообщение и усмехнулся:

— Она отвечает: «Аркадий Сергеевич опять становится официальным».

— Значит, отвлеклась от работы.

После еды Михаил перебирал снимки, удаляя дубли.

— На крыльце нижняя доска отошла. Исправить в редакторе?

— Доску?

— Фотографию.

— Нет. Доску, возможно, исправим.

Сказанное прозвучало так, будто продажа ещё не решена. Аркадий закрыл хлебницу и предложил идти в правление. Нужно было забрать справку об отсутствии задолженности и снять для оценщика показания щита.

Мокрый снег на дорожках превратился в тёмную кашу. Зимой в товариществе постоянно жили не больше двух десятков человек; большинство домов стояло с закрытыми ставнями. У участка №45 дорожка была расчищена, на перилах веранды висел ярко-жёлтый плащ Веры Бессоновой. Сама Вера показалась в дверях.

— Аркадий Сергеевич, вы в правление?

— За справкой.

— Если увидите Олега Викторовича, напомните: он обещал документы до вечера.

— Какие?

— Для ревизии. Он знает.

Она заметила планшет Михаила.

— Перепись населения?

— Имущества. Население сопротивляется учёту.

Вера улыбнулась, но о продаже не спросила. Аркадий не понял, догадалась она или просто соблюдала границу.

— На доске новое объявление, — сказала она. — Сегодня отключение. Если собираетесь работать с обогревателем, учтите.

— У меня печь.

— Я про общую теплицу. Сазонов хочет завтра устроить там регистрацию участников. В доме правления всем тесно.

Дом правления по привычке называли вагончиком, хотя его давно обложили кирпичом. Рядом стояла доска объявлений под мутным пластиком. Поверх извещения о чистке снега кнопками был приколот свежий лист:

«В связи с плановыми работами электроснабжение будет прекращено 27 января с 17:15 до 17:45. Просьба отключить чувствительное оборудование».

Ниже висело напоминание о завтрашнем обсуждении возможной продажи части северного яблоневого сада. Три восклицательных знака явно добавила Галина Шумская.

Михаил сфотографировал оба листа.

— Зачем? — спросил Аркадий.

— Мама велела снимать всё важное. Вдруг ограничения.

Аркадий прочитал нижний абзац: «Обсуждение и предварительное голосование собственников по вопросу дальнейших переговоров».

Это было точнее разговоров. Завтрашнее голосование само по себе не передавало права на общую землю, но в товариществе уже месяц говорили «продать сад», словно достаточно поднять руки, чтобы к вечеру на северной границе появился чужой забор.

— Ограничение пока одно, — сказал Аркадий. — Все обсуждают документ, которого почти никто не видел.

— А ты за продажу?

— Я за то, чтобы понимать предмет.

— То есть не знаешь?

— Именно то, что сказал.

Дверь распахнулась. Олег Сазонов вышел с мотком удлинителя и связкой подписанных ключей. Утеплённый жилет делал его ещё плотнее.

— Лунёв, вовремя. Электрическую пушку не одолжишь?

— У меня нет.

— Была же.

— Продал вместе с машиной.

Сазонов поморщился, будто Аркадий избавился от общественного имущества.

— Значит, газовым обойдёмся. Резервный обогреватель работает независимо от электричества, баллон полный. Вытяжка электрическая, до отключения всё проветрим.

— А во время отключения?

— Там никого не будет. Сегодня проверим, завтра запустим заранее. Не начинай, Антон уже начал.

— Если электрик начал, стоит дослушать.

— Он считает, что любое устройство должно сначала пройти комиссию, потом составить в упаковке и только после этого включаться.

— Антон так не говорит.

— Зато так думает.

Сазонов повернулся к Михаилу:

— Ты до собрания остаёшься?

- Сегодня уезжаю на двести восемнадцатом.
- На семнадцать ноль пять?
- Если он существует.
- Вчера лично видел.
- Во сколько именно? — спросил Аркадий.
- В пять с чем-то. На семнадцать ноль пять он, все знают.
- На стенде так написано. Это не одно и то же.
- Диспетчер, ты на пенсии.
- Автобус об этом не уведомили.

С дорожки окликнули:

- Олег Викторович, дверь придержите!

Инна Мягкова шла от ворот с объёмной тёмной сумкой на плече и термосом в руке. Из сумки выступал угол красной папки. Инна осторожно выбирала край раскисшей колеи, однако её высокие чёрные ботинки оставались безупречно чистыми.

- Наконец-то, — сказал Сазонов. — Я просил к двум.
- Было принято сначала забрать выписки. Иначе пришлось бы ездить два раза.
- Какие выписки?
- Которые вы вчера потребовали.

Она вошла, не снимая сумки. Сазонов махнул Аркадию:

— Заходи. Подпишу справку, пока свет есть. Принтер после каждого отключения забывает, что он принтер.

Внутри пахло бумагой, мокрой одеждой и старым обогревателем. На стене часы показывали без девяти минут три. Наручные часы Аркадия — четырнадцать пятьдесят восемь.

- Стенные отстают, — заметил Михаил.
- На шесть минут, — сказала Инна, снимая пуховик.
- На семь, — поправил Аркадий.
- Неважно. Здесь никто по ним отчётность не сдаёт.

Она поставила термос на стол и достала красную папку. На обложке чёрным маркером было написано: «Сад. Север. Переговоры».

Сазонов включил компьютер.

- Участок?
- Сорок седьмой.
- Площадь?
- Семь целых две десятых сотки. Но в справке она не нужна.
- Я порядок проверяю.
- Ты его тридцать лет знаешь.
- Знать и внести — разные вещи.

Инна положила папку перед собой, рядом выставила калькулятор и телефон.

- Инна Борисовна, где приложения к последним подрядным актам? — спросил Сазонов.
- В папке.
- В какой?
- В красной.
- Красная по земле.
- Вы распорядились объединить материалы к завтрашнему обсуждению.
- Я велел принести всё, что связано с расходами по подготовке территории. Не объединять.

нить.

Инна поджала губы.

- По документам всё сходится.
- Я ещё не спросил, сходится ли.

— Но именно это вы проверяете третий день.

Михаил отошёл к окну, притворившись, что изучает телефоны аварийных служб. Аркадий остался у двери. Разговор его не касался, однако справка ещё не была готова.

Принтер втянул лист, задумался и выдал его с серой полосой поперёк текста.

— Всё требует денег, — сказал Сазонов. — Сети, дорога, насосная. Зато сад неприкосновенный, как государственная граница.

— Государственные границы тоже требуют документов, — раздалось от входа.

Вера стряхнула снег с жёлтого плаща и закрыла дверь.

— Я просила не начинать без меня.

— Мы не начинаем. Ищем приложения.

— Это уже начало, Олег Викторович.

Она заметила красную папку.

— Материалы по саду?

Инна положила на обложку ладонь.

— Сводная папка к обсуждению.

— Мне нужны копии счетов и актов для ревизионной комиссии.

— После обсуждения.

— Вы обещали сегодня, — напомнила Вера председателю.

Сазонов подписал справку и протянул Аркадию.

— Сегодня получите. Но сначала я сам проверю одну вещь. Появились новые обстоятельства.

— Какие? — спросил Аркадий.

— А ты теперь в ревизионной комиссии?

— Нет.

— Тогда скажу, когда проверю. Возможно, завтра предложу отложить голосование.

Вера сняла очки со шнура.

— Вчера вы настаивали, что откладывать нельзя.

— Вчера обстоятельства были старые.

— Давайте отделим неприятное от неверного. Что изменилось?

— Цифры.

Инна взялась за термос, но не открыла его.

— Цифры не изменились. Расходы распределены по разным периодам.

— Вот и выясним, по каким.

Сазонов собрал ключи.

— Я в общую теплицу. Проверю обогреватель и вытяжку до отключения. Вера Андреевна, подходите к пятнадцати двадцати. Если всё подтвердится, передам папку и пояснения.

— Лучше я пойду сейчас.

— К пятнадцати двадцати. Антон должен посмотреть подключение.

— Антона я не боюсь.

— А я боюсь, что вы оба начнёте давать мне указания.

Вера выравнивала стопку бланков на краю стола.

— Хорошо. К пятнадцати двадцати.

— Инна Борисовна, папку оставьте здесь.

— Мне с ней работать.

— Уже поработали.

На несколько секунд стало слышно только дребезжание обогревателя под окном.

Инна медленно убрала руку с обложки.

— Тогда за её сохранность отвечает правление.

— Правление здесь я.

— Именно.

Сазонов взял удлинитель и ушёл на север, к саду и общей теплице.

— Дед, нам ещё рюкзак собрать, — напомнил Михаил. — И фотографии доснять.

Аркадий посмотрел на часы. Было несколько минут четвёртого. До рейса, обозначенного на стенде как 17:05, оставалось больше двух часов. Они успевали вернуться на участок, закончить опись в комнатах, упаковать зарядное устройство и бутерброды Михаилу, закрыть сарай и выйти к воротам около без десяти пять.

— На остановку пойдём в шестнадцать пятьдесят, — сказал он. — От ворот до навеса семь минут.

— Если автобус действительно в семнадцать ноль пять.

— Время на стенде может быть устаревшим. Поэтому проверим у магазина, если связь поймает.

— Мама сказала не опаздывать на рейс.

— На какой именно?

— На зимний. Двести восемнадцатый.

— Это номер, не время.

Инна захлопнула сумку.

— Автобус всегда приходит по расписанию.

Аркадий посмотрел на неё.

— Вы сегодня на нём приехали?

— Нет. Меня подвезли.

— Прямо к воротам?

Она задержалась с ответом.

— Да. Что это меняет?

— Ничего. Объясняет чистую обувь.

Инна опустила взгляд на ботинки.

— У некоторых есть привычка смотреть под ноги.

— Полезная привычка, — согласился Аркадий.

Михаил уже открыл дверь. Аркадий последовал за ним, но вспомнил о печати на справке и вернулся к столу.

Печать была на месте. Рядом лежала красная папка, оставленная Сазоновым. Тесёмки не были завязаны, крышка сдвинулась. Под ней виднелся край большой схемы с зелёной штриховкой — контур северного яблоневого сада.

Ниже лежали прозрачные файлы, разделённые голубыми картонными листами. На ближайшем было напечатано:

«Подрядные работы. Приложения к актам».

Красная папка, которую все называли земельной, содержала не только землю.

Глава 2. Рейс на бумаге

Аркадий закрыл вентиль на газовом баллоне, подождал и снова проверил его рукой.

— Ты уже проверял, — сказал Михаил, затягивая лямки рюкзака.

— Тогда он был открыт.

— А сейчас закрыт.

— Поэтому и проверяю.

На кухонном столе остались зарядное устройство, термос и два бутерброда в прозрачном пакете. Михаил убрал зарядку, бутерброды взял после напоминания, от термоса отказался.

— В автобусе жарко.

— Если он придёт.

— Оптимистично.

— Рейс на бумаге и автобус на дороге — разные явления.

До объявленного отключения оставалось около двадцати минут. Аркадий слил воду из рукомойника, открыл дверцы шкафа и вписал в опись ещё три пункта: «чайник эмалированный», «плитка двухконфорочная», «полка навесная».

Слово «синий» возле чайника он вычеркнул. На стоимость дома цвет не влиял.

Под ручкой оставалась царапина. Елена получила её в первый год после пристройки: поставила чайник на шаткий табурет, крышка укатилась под стол, вода разлилась по полу. Спорили они потом не о чайнике, а о том, почему Аркадий не выбросил табурет сразу после ремонта. Табурет он выбросил. Чайник остался.

— Дед.

— Что?

— Если выйдем сейчас, мне не придётся бежать.

Аркадий положил карандаш.

— Ты никогда не бежал на автобус.

— Потому что ты выводишь меня за двадцать минут.

— Следовательно, способ работает.

Он надел старую железнодорожную куртку и проверил внутренний карман. Городская папка с проектом соглашения лежала там же. После правления можно было убрать её в ящик, но бумаги, которые собираешься подписать, лучше не оставлять в доме, предназначенном для продажи.

Объяснение было разумным. Самого Аркадия оно не вполне удовлетворяло.

Дом он запер на верхний замок. Нижний зимой заедал, и ключ приходилось поворачивать плоскогубцами. До оценки следовало заменить личинку. Покупатели считали заедающий замок признаком общего упадка, а не свойством конкретного замка.

На дороге мокрый снег схватился тонкой коркой, но под ней ещё проступала тёмная каша. Вдоль участков горели редкие фонари. Между домами было темно: зимой хозяева экономили, а кое-где вообще снимали автоматы, опасаясь старой проводки.

У главных ворот Михаил достал телефон.

— Шестнадцать пятьдесят семь.

— Секунды.

— Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать.

Аркадий вытянул заводную головку часов, поставил секундную стрелку на двенадцать и отпустил её по команде внука.

— Отставали на сорок секунд, — сказал Михаил.

— За две недели допустимо.

— Телефон сам сверяется.

— Поэтому я сверяюсь с телефоном, а не покупаю новый вместо часов.

Над шлагбаумом горел красный огонёк камеры. В сторожевой будке работал без звука телевизор, но самого сторожа видно не было.

До остановочного навеса было семь минут обычным шагом. Михаил поправил рюкзак.

— Всё, дальше сам.

— Я могу дойти.

— Знаю. Но тогда ты останешься ждать и будешь утверждать, что случайно.

— По расписанию автобус через восемь минут.

— Вот именно.

За воротами дорога уходила к трассе. Фар не было. Из магазина у поворота падал на снег жёлтый свет, дальше трасса скрывалась за кустарником.

— Напишешь, когда сядешь, — сказал Аркадий.

— Напишу.

— Не когда приедешь в город.

— Мама передала полномочия?

— У нас независимые ведомства.

Михаил усмехнулся и пошёл к остановке. Аркадий не стал ждать у ворот. Если шестнадцатилетний человек хочет семь минут пройти один, сопровождение на расстоянии ничего не улучшает.

На обратном пути у сорок третьего участка снег сполз с крыши и перегородил половину дороги. Обходя завал, Аркадий услышал звон ключей.

Со стороны дома правления к северной аллее шёл Сазонов. В одной руке он нёс связку с белыми бирками, в другой — тонкую серую папку. Верхний лист был прижат металлическим зажимом и расчерчен на клетки. Аркадий узнал контрольную ведомость, которую днём видел возле принтера: освещение, розетки, обогреватель, вытяжка, замки.

Красной папки у Сазонова не было.

Аркадий поднял запястье. Семнадцать ноль восемь. Часы он только что сверил с телефоном Михаила.

— Опять в теплицу? — спросил он.

Сазонов остановился.

— Перед отключением надо проверить, что останется работать.

— Обогреватель.

— Обогреватель независимый. Вытяжка — нет.

— Антон не пришёл?

— На складах аварийный вызов. Я внутрь щита не полез. Включить, выключить и поставить галочку председатель способен.

— Вера Андреевна получила приложения?

— Получит после проверки.

— Они в правлении?

Сазонов посмотрел внимательнее.

— Тебе зачем?

— Вы несёте другую папку.

— Красная тяжёлая. И земельные схемы мне в теплице не нужны.

Он двинулся дальше.

— Олег Викторович.

— Что ещё?

— Один идёте?

Сазонов оглянулся на пустую дорогу.

— А ты кого видишь?

— Пока никого.

— Вот и я никого.

Он свернул между общей теплицей и первым рядом старого сада. Ключи ещё несколько раз звякнули, потом звук поглотил снег.

Аркадий постоял на дороге. Вопрос получился лишним. У Сазонова были ключи, контрольный лист и привычка считать любую проверку доказательством собственной незаменимости. Причины идти следом не было.

В доме правления горел свет.

Аркадий заметил его уже у поворота к своему участку. Окно выходило на дорогу под углом. За занавеской прошёл человек, на секунду заслонив лампу. Только тёмный силуэт — ни роста, ни одежды определить было нельзя.

Сазонов только что вышел оттуда один. Значит, внутри оставался кто-то ещё.

Аркадий вспомнил Инну с чистыми ботинками, дребезжащий принтер и красную папку на краю стола. Из этого не следовало ничего, кроме присутствия человека в правлении. Перед собранием туда заходили все, кому внезапно требовалась бумага, которой они не интересовались предыдущие полгода.

Он отвернулся от окна.

На участке нижняя ступенька снова качнулась. Аркадий включил в доме свет и записал: «Крыльцо: закрепить нижнюю доску до оценки». Затем открыл шкаф в маленькой комнате.

На верхней полке лежали снятые на зиму занавески. Внизу стояли коробки с банками, каждая была подписана крупными буквами: «ОГУРЦЫ», «СЛИВА», «НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО НОВОГО ГОДА». Последняя надпись относилась к варенью трёхлетней давности. Новый год наступал уже трижды, но банка оставалась закрытой.

Аркадий закрыл шкаф.

Телефон звякнул. Сообщение от Михаила появилось в семнадцать четырнадцать, рядом с текстом стояло время создания: 17:12.

«Автобуса нет. Я под навесом».

Две минуты оно шло от остановки до сорок седьмого участка. У трассы связь обычно была лучше, но телефон Аркадия в доме держал одно деление. В любом случае автобус, обозначенный на стенде как 17:05, к семнадцати двенадцати не пришёл.

Аркадий ответил: «Если до 17:25 не будет, звони».

Подумал и добавил: «Бутерброды не потеряй».

Ответ пришёл почти сразу:

«Это главное».

Аркадий оставил телефон на подоконнике, где связь была устойчивее, выдернул вилку холодильника и приоткрыл дверцу. Проверил окна, сложил в пакет лекарства с истекающим сроком годности. Выбрасывать их следовало в городе, а не в общий контейнер у ворот.

Издалека доносился неровный гул вытяжки общей теплицы. Зимой моторы были слышны лучше: голые сады не задерживали звук, снег приглушал шаги и голоса. Вентилятор то выходил на ровный тон, то начинал дребезжать. Сазонов, вероятно, переключал режимы и ставил галочки.

В семнадцать пятнадцать свет не погас.

Аркадий посмотрел на часы, потом на лампу. Объявление обещало отключение с 17:15 до 17:45, но обещание энергетиков отличалось от автобусного только направлением ошибки.

В доме правления по-прежнему светилось окно. Силуэта теперь не было.

Телефон снова звякнул. Сообщение появилось в 17:16, хотя было создано в 17:14:

«Всё ещё нет. Женщина говорит, зимой он всегда так».

Аркадий набрал: «Кто женщина?», но отправить не успел.

Свет погас в семнадцать семнадцать.

Не мигнул и не просел — исчез сразу. Замолчал обогреватель в прихожей. За окном оборвался гул вытяжки общей теплицы.

Именно эта тишина оказалась заметнее темноты.

Аркадий включил фонарь на телефоне и проверил часы. Семнадцать семнадцать и несколько секунд. Отключение началось на две минуты позже объявленного времени. Автобус к этой минуте ещё не пришёл.

Со стороны северного ряда донёлся короткий металлический удар.

Железо стукнуло о железо и сразу смолкло. Там находилась калитка пожарного проезда — простая, с механическим замком, не зависевшая ни от электричества, ни от привода главных ворот. Рядом висел старый щит «ПРОЕЗД НЕ ЗАГРОМОЖДАТЬ». Нижнее крепление разболталось ещё осенью, и на ветру щит бился о столб.

Ветра почти не было, но с крыши мог сойти снег.

Аркадий подошёл к окну. Между домами лежала синяя темнота. Погасли дорожный фонарь и окно правления. Ни шагов, ни голосов он не слышал.

Это не его ответственность.

Он приехал закончить опись и подготовить дом к продаже. Пожарная калитка относилась к общему имуществу. Щит — тоже. Если каждый звук считать вызовом, из товарищества нельзя будет уехать никогда.

Телефон завибрировал. Звонил Михаил.

— Да.

— У вас свет отключили?

— В семнадцать семнадцать.

— Тут камера над воротами погасла. И коробка шлагбаума.

— Не трогай привод.

— Я на остановке, дед. Отсюда красную лампочку было видно.

— Автобус?

— Нет.

— Оставайся под навесом. Если замёрзнешь, зайди в магазин и напиши.

— Я не замёрз.

— Это не ответ на вторую часть.

— Напишу.

Связь не пропала. Значит, камера и привод главных ворот потеряли питание, а телефонная сеть продолжала работать. Проехать через шлагбаум теперь можно было только после ручной разблокировки. Через пожарную калитку пройти можно было как обычно — ключом.

В доме быстро холодало. Аркадий не стал снова открывать газовый баллон. Поставил ручной фонарь на стол и сел перед описью.

В темноте работа потеряла смысл. Дописывать имущество по памяти означало превращать опись в разновидность художественной литературы.

В семнадцать двадцать восемь пришло сообщение:

«Приехал. Сел».

Аркадий позвонил.

— Двести восемнадцатый?

— Он.

— Во сколько открыл двери?

— Только что. В двадцать восемь.

— По твоему телефону?

— Да. Дед, я не засекал с секундомером.

— Секунды не нужны.

На заднем плане хлопнули двери и заворчал двигатель.

— Зарядка у тебя?

— Да.

— Бутерброды?

— Тоже. Можешь закрывать ведомость.

Аркадий попрощался и записал на полях описи: «218 — прибыл 17:28, со слов Миши, часы телефона». К продаже дома запись отношения не имела, но вырывать лист он не стал.

Электричество вернулось в семнадцать сорок шесть. Сначала вспыхнул уличный фонарь, затем загорелась лампа на кухне. Обогреватель щёлкнул. На севере снова заработала вытяжка: мотор несколько секунд тянул низко, потом вышел на прежний неровный тон.

Аркадий вынул обогреватель из розетки. На сегодня хватит. Следующий автобус был поздним, а идти до платформы по тёмной дороге он не собирался. Можно переночевать и закончить опись утром.

Он уже расстёгивал куртку, когда в дверь постучали: три раза, пауза, ещё два.

За дверью стояла Вера Бессонова в жёлтом плаще. На коротких волосах блестел растаявший снег, очки висели на шнурке поверх шарфа.

— Аркадий Сергеевич, вы Сазонова не видели?

— В семнадцать ноль восемь.

Она не удивилась.

— Разумеется, вы знаете точно.

— Часы сверил у ворот. Он шёл к общей теплице.

— Один?

— Один.

— Что нёс?

— Ключи и серую папку с контрольным листом. Красной при нём не было.

Вера надела очки.

— Телефон не отвечает. Он обещал принести мне приложения.

— Из красной папки?

— Да.

— Вы днём встречались, как договорились?

— В пятнадцать двадцать пять. Я специально посмотрела на часы в правлении, потому что пришла на пять минут позже.

Вот теперь последовательность имела опорную точку.

— Что было дальше?

— Олег Викторович только вернулся с предварительного осмотра теплицы. Мы начали смотреть выписки, но не хватало двух приложений к актам. Инна Борисовна сказала, что их ещё надо распечатать. Сазонов перенёс окончательную проверку документов на вечер.

— Когда именно?

— В шестнадцать сорок девять он мне позвонил. Сказал: перед отключением ещё раз проверит теплицу, а после принесёт красную папку ко мне. Дословно — «занесу красную».

— Значит, ранний осмотр он закончил до вашего прихода в пятнадцать двадцать пять, а в семнадцать ноль восемь пошёл на контрольный.

— Да. Мы не сидели с ним там два часа, если вы об этом.

— Я устанавливаю порядок.

— Знаю. Поэтому и отвечаю.

— Во сколько вы начали звонить ему?

— В семнадцать сорок. Потом ещё раз, когда дали электричество. Сначала шли гудки, теперь телефон недоступен.

— В правлении после его ухода кто-то оставался, — сказал Аркадий.

Вера замерла.

— Кто?

— Не знаю. Видел силуэт у окна через несколько минут после семнадцати восьми.

— Инна Борисовна собиралась доделать выписки.

— Это вы знаете или предполагаете?

— Она сказала при мне в пятнадцать с лишним. Но оставалась ли до вечера, я не знаю.

Аркадий посмотрел на раскрытую тетрадь. Оставалось проверить чердак, закрыть шкаф и составить список ремонта. Соседские документы его не касались. Сазонов мог задержаться у кого-нибудь или решить, что Вера подождёт до утра. Председатели легко распоряжались чужим временем.

Но в семнадцать ноль восемь Сазонов ушёл один к теплице. Вытяжка работала до семнадцати семнадцати. В правлении после его ухода оставался неизвестный человек. В темноте со стороны пожарной калитки ударило железо. Теперь Сазонов не отвечал.

Факты пока не складывались ни во что. Именно поэтому их нельзя было заменить словом «наверное».

— Почему пришли ко мне? — спросил Аркадий.

— У вас горит свет. И я видела, как вы провожали Михаила.

— Это не делает меня членом правления.

— Нет. Но идти одной в теплицу, где работал независимый обогреватель и почти полчаса стояла вытяжка, мне не хочется.

— Фонарь есть?

Вера показала небольшой фонарик.

— Батарейки?

— Аркадий Сергеевич, я бывший библиотекарь, а не персонаж назидательной истории.

— У персонажей батарейки садятся чаще.

Он взял ручной фонарь, запер дом и проверил дверь. Нижняя ступенька качнулась под ногой.

— Крыльцо вы чините или уже продаёте вместе с подвижным составом? — спросила Вера.

— До оценки закреплю.

Она посмотрела на него, но ничего не сказала. О найденном покупателе Вера не знала, и сейчас Аркадий был этому рад.

Они пошли к северному саду. После отключения часть фонарей не включилась автоматически, и между кругами света тянулись длинные тёмные промежутки. Окно дома правления теперь не горело. Дверь была закрыта, ступени пусты.

У поворота на пожарный проезд Аркадий направил луч на калитку. Она была закрыта. Металлический щит висел криво, нижний край отходил от столба на ширину пальца.

— Что-то не так? — спросила Вера.

— Во время отключения отсюда донёсся металлический удар.

— Калитка?

— Или щит.

Аркадий качнул табличку. Она стукнула о столб, но звук получился звонче и слабее того, который он слышал из дома.

— Замок механический, — сказала Вера.

— Отключение ему не мешает.

— А камера главных ворот сюда не смотрит.

— Не смотрит.

Открывать калитку они не стали. За ней пожарный проезд уходил вдоль сада к бывшим складам. Искать в раскисшем снегу неизвестно чьи следы без причины было бессмысленно.

Свет в общей теплице горел. Сквозь запотевшие стёкла проступали длинные жёлтые полосы. Под крышей гудела вытяжка, на одном креплении что-то мелко дребезжало. Снаружи всё выглядело так, будто Сазонов закончил проверку и вот-вот выйдет со своей ведомостью.

Вера первой поднялась на деревянный настил.

— Олег Викторович!

Ответа не было.

Она постучала.

— Это Вера Андреевна. Откройте.

Аркадий взялся за наружную ручку. Та повернулась, дверь подалась на несколько миллиметров и остановилась. Он попробовал ещё раз, без рывка. Полотно зимой перекашивало, но сейчас его держало не разбухшее дерево.

— На внутреннем крючке, — сказал он.

Вера ударила в дверь кулаком.

— Олег Викторович!

За стеклом горел свет. Вытяжка работала. Изнутри никто не отвечал.

Глава 3. Теплица, запертая изнутри

Вера снова ударила в дверь ребром ладони.

— Олег Викторович!

Под крышей ровно гудела вытяжка. Ближайшее стекло запотело изнутри и прихватило инеем снаружи; луч фонаря возвращался от него тусклым пятном.

— Отойдите, — сказал Аркадий.

— Зачем?

— Посмотрю сбоку.

У торца теплицы ветер сдул снег от фундамента, оставив полосу старой земли с перемешанными следами. Аркадий не стал подходить к стене вплотную. Снял перчатку, протёр боковое стекло рукавом и сложил ладони козырьком.

В глубине горела одна лампа. Он различил стеллаж, перевёрнутые ящики, серую папку на бетонной дорожке. Дальше лежал человек: сперва стал виден ботинок, затем рукав утеплённого жилета. Лицо закрывала ножка стола, но рядом блестела связка подписанных ключей.

Аркадий выпрямился.

Вера уже тянула из сугроба снеговую лопату.

— Там он?

— Да.

— Лежит?

— Да.

Она перехватила черенок обеими руками.

— Стойте.

— Если он жив, мы не будем ждать, пока кто-нибудь доедет из района.

Аркадий удержал лопату.

— Там работал обогреватель. Вытяжка стояла почти полчаса. Мы не знаем, что внутри.

— Поэтому надо открыть.

— Поэтому нельзя лезть следом без защиты. Звоните сто двенадцать.

Вера смотрела на него ещё секунду, потом отпустила черенок и достала телефон.

Диспетчеру она назвала товарищество, северный сад и общую теплицу. Повторила, что человек виден через стекло, а дверь заперта изнутри. На вопрос об огне посмотрела на Аркадия.

— Огня не видно, — сказал он. — Обогреватель автономный. Электрическая вытяжка не работала с семнадцати семнадцати до семнадцати сорока шести.

Вера передала это и включила громкую связь.

— Не разбивайте окна и не входите, — ответила диспетчер. — Отойдите на безопасное расстояние. Обеспечьте доступ службам.

Аркадий посмотрел на часы и вслух назвал время вызова. Вера только кивнула.

Они отошли к краю дорожки. При работающем свете и ровном гуле помещение казалось исправным. От этого неподвижная фигура внутри выглядела ещё более неправильной.

Со стороны правления показались два фонаря. Первой подошла Галина Шумская в малиновом пуховике, за ней Семён Круглов с яблоневого палкой.

— Что случилось? — спросила Галина. — Лида с тридцать восьмого видела вас из окна. Олег Викторович там?

— Да, — сказал Аркадий. — К двери не подходите.

Семён прищурился на освещённые стёкла.

— Поскользнулся?

— Не знаем.

— Сердце. Он весь месяц на бумагах сидел, как на порохе.

— Ничего не утверждаем, — сказала Вера.

Галина подняла телефон.

— Я сообщу в чат, чтобы люди сюда не шли.

— Без фотографии, — сказал Аркадий.

— Я не фотографирую.

Камера была направлена на теплицу.

— Тогда опустите.

Она подчинилась.

— Что написать?

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.